

С. А. Мальшкин

2-Й ПЕХОТНЫЙ ПОЛК МОСКОВСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ

Как и в большинстве уездов Подмосковья, в Дмитрове формировался один из полков Московского ополчения – 2-й пеший казачий. Своим рескриптом от 8 августа 1812 г. император Александр I утвердил предложенные московским губернатором Ф. В. Ростопчиным кандидатуры командиров полков. В данном случае он назначил полковым начальником известного генерала князя Ивана Сергеевича Одоевского (1769–1839). К этому времени он уже прошел долгий боевой путь, участвовал в целом ряде войн и был удостоен чина генерал-майора. Еще в 1776 г. юный тогда князь был записан фурьером в гвардейский Преображенский полк. Впоследствии участвовал во взятии молдавской крепости Бендеры во время русско-турецкой войны. Сражался в Польше в 1792 и 1794 гг., за заслуги в 1797 г. произведен в генерал-майоры. В начале 1800 г. был уволен в отставку. Но в царствование государя Павла I, особенно в последний год его жизни, удержаться на службе было далеко не просто. Вернулся в армию уже при императоре Александре I, в сентябре 1801 г. Являлся шефом Ингерманландского драгунского полка. Участвовал в Аустерлицком сражении. В 1806 г. снова вышел в отставку. А в декабре 1806 г. назначен бригадным начальником Московского земского войска¹. Но более известен в истории нашей страны оказался его сын – декабрист Александр Иванович Одоевский, которому посвятил свое знаменитое послание в Сибирь А. С. Пушкин. Кто из читателей не помнит со школьной скамьи слова, написанные Александром Ивановичем Одоевским в ответном послании великому поэту: «Наш скорбный труд не пропадет, Из искры возгорится пламя!» В 1812 г. будущему поэту и декабристу было еще 10 лет. А его отцу И. С. Одоевскому и было поручено формировать ополченческий полк Дмитровского уезда.

Согласно замыслам и предположениям властей, все вопросы или, по крайней мере, главные должны были решаться при формировании ополчения самими уездами. Но на деле это оказалось нереальным. Уже 2 авгу-

ста, не сумев решить накопившиеся к тому времени текущие вопросы на месте, Одоевский обратился за помощью к начальнику ополчения В. Н. Чичерину. Дело состояло в следующем: для более прочного «сколачивания» полка, надо было как можно шире привлечь в ряды ополчения выслуживших свои сроки военной службы солдат и унтер-офицеров. Далеко не случайно в ведомостях о численности полков многие командиры в отдельную графу выделяли число отставных воинов. Добровольцев из отслуживших свои сроки солдат, как писал Одоевский в своем рапорте на Чичерина, буквально «отыскивали» в уезде. Во 2-й полк удалось уже в первые дни принять 41 отставного унтер-офицера и рядового. По сравнению с другими полками, это достаточно большая цифра. Но тут выяснилось, что, находясь в отставке, они сами себе зарабатывали на жизнь, а теперь этого единственного для них способа пропитания они лишились. Сложилась парадоксальная ситуация: «отставные» требуют продовольствия, а у князя нет никаких финансовых средств. Пожертвования не поступали из уезда, не было денег из Москвы, и положение складывалось не простое. Но, несмотря на трудности, генерал Одоевский сообщает в штаб ополчения, что полк формируется и всего принято на 2 августа 172 воина².

Спустя неделю А. И. Одоевский снова сообщал в штаб ополчения о ходе формирования полка. Необходимо отметить, что, судя по нумерации рапортов, переписка шла чрезвычайно интенсивная. Если его рапорт от 2 августа имел делопроизводственный номер 23, то 9 августа рапорт уже был обозначен под №42. Бывало, что из Дмитрова в Москву отправляли по несколько рапортов в день. Судя по датам отправки и получения в Москве, дорога служебных пакетов от уезда до столицы занимала день.

Самая большая проблема состояла в обмундировании ополченцев. Но это было характерно не только для Дмитровского уезда. Практически во всех подмосковных уездах ополченцы были обмундированы далеко не в соответствии с теми требованиями, что предъявлялись Положением о сборе ополчения. Буквально гласом отчаяния звучат слова князя Одоевского в штаб ополчения, когда он пишет об одежде крестьян, поступающих в ряды ополчения. Большая часть воинов принята в полк без мундиров. Кафтаны сделаны «из сукна немоченою коровьей шерсти». После первого дождя эти кафтаны, как предсказывал Одоевский, «сделаются не употребляемы»³. Но, тем не менее, воины поступают, и численность полка постоянно увеличивается. На 9 августа ополченцев было уже 1 189 человек. Но опять все «портят» деньги. Из Московского комиссариата во все полки ополчения должны были быть доставлены котлы для варки пищи. Но ни

у дмитровских уездных властей, ни в полку денег не было. И опять Одоевский обращается к Чичерину с вопросом: где брать средства для оплаты жалованья, отправки почты, перевозки из Москвы котлов?

Еще одна проблема возникла по мере формирования полка. Несколько подмосковных уездов, в том числе и Дмитровский, не имели такого количества крестьян, чтобы можно было набрать полную численность полка согласно штатному расписанию. На северо-западе Подмосковья тем уездом, из которого «черпали» недостающих воинов, стал Волоколамский. Отсюда отправляли воинов и в Рузу, и в Клин, и в Дмитров, на пополнение местных полков. Временно исполняющий обязанности командующего Московским ополчением генерал В. Н. Чичерин предписал отправить из 2-го ополченческого полка двух штаб-офицеров с обер- и унтер-офицерами и урядниками в Волоколамский уезд для принятия в полк 900 человек. Но и здесь все останавливала денежная беда: не было денег для найма подвод под больных и провиант. А так как Волоколамск отстоял от Дмитрова по почтовому тракту более чем на 100 верст, то надо было платить прогонные деньги и ямщикам! Урядников в полку было набрано 60 человек. «...И все в самом бедном положении, не только личной одежды не имеют, но даже обуви»⁴, – писал Одоевский в эти дни. Пока несколько дней шла переписка: как идти и каким путем, пришел новый приказ из Москвы. 16 августа уже весь полк должен был выступить из Дмитрова и двинуться через Клин на Волоколамск. Было решено, что ежедневные марши будут по 20–25 верст, а на третий день полк останавливался на отдых – таков был заведенный порядок при передвижении армейских частей. К этому времени во 2-м полку состоял 1 261 воин⁵.

Во всех публикациях, посвященных Московскому ополчению 1812 г., обязательно приводится или, по крайней мере, цитируется ведомость, составленная 18 августа 1812 г. о численности и размещении полков, подписанная графом Ростопчиным. Так, согласно этому документу, 2-й полк должен был 18-го числа находиться в Рузе в числе других полков 1-й ополченческой дивизии, и в его состав на этот день входили: один полковой командир, четыре штаб-офицера, 24 обер-офицера, 60 урядников из нижних чинов и 2 007 воинов⁶. Из рядовых ополченцев 900 человек, как говорилось, были собраны не в Дмитрове, а в Волоколамском уезде. Но необходимо отметить, что данная ведомость вызывает ряд вопросов. В ней, в частности, указывается, что в некоторых полках было ровно 2 400 воинов. Но такого не было нигде, если обратиться к ведомостям самих полков. Соответственно, не понятно, как за два дня 2-й полк мог прибавить более 200 человек к своему составу? Скорее всего, эта ведомость составлялась

по присланным из полков в Москву данным за разные дни. Более того, в отдельных случаях, когда в штабе ополчения не знали точного числа ополченцев, то ставили цифру, соответствующую штатному расписанию ополченческого полка. Сам же граф Ростопчин эту ведомость подписал 18 августа 1812 г., и с тех пор она считается официальным документом, отражающим реальный состав Московского ополчения. Но, еще раз повторим, это не так, в ней имеется слишком много несоответствий, если обратиться непосредственно к делопроизводству полков.

Общепризнано, что на Бородинском поле полком командовал князь И. С. Одоевский. Но в одном из писем Ф. В. Ростопчина Александру I можно встретить любопытное уточнение. 24 апреля 1813 г. граф сообщал государю об Иване Сергеевиче, что он, «во время образования Московской военной силы набирал полк пехотный в Дмитровском округе и на походе к Можайску, упав с лошади, убил столь больно ногу, что принужденным нашелся ехать лечиться, и до сего времени, как меня уверяли, живет в Владимирской губернии в своей деревне»⁷. Сам вопрос, кто же командовал в день сражения при Бородине 2-м ополченческим полком, возник не случайно. Среди офицеров, поступивших на службу в Дмитрове, оказался некий Роман Медокс. Как отмечал тот же Ростопчин в своей переписке с князем С. К. Вязмитиновым от 2 июня 1813 г.: «... и в прошлом июне месяце, при наборе Московской военной силы, пристал к формирующемуся полку в Дмитрове, коего шефом был генерал-майор князь Одоевский. Но сей заболел, место его заступил действит. стат. совет. князь Касаткин, у коего Медокс (сын), взяв 200 р. для доставления его людям, пропал из Тарутина, и здесь его до сих пор нет»⁸. Через некоторое время Р. Медокс действительно сбежал из полка. Он отправился на Северный Кавказ, объявляя по дороге себя крупным чиновником, направленным якобы властями для формирования Кавказского ополчения против Наполеона. Взяв массу денежных кредитов, поддельывая документы, он в конце концов был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Этим проходивцем вынуждены были заниматься как сам император, так и высшие чины империи: С. К. Вязмитинов, А. А. Аракчеев и др.⁹ К величайшему сожалению для И. С. Одоевского, Медокс выдавал себя за близкого к нему человека. И именно поэтому имя Ивана Сергеевича прозвучало в переписке государя, Вязмитинова и Ростопчина. Сменил Одоевского Н. А. Касаткин-Ростовский, и у него Р. Медокс похитил 2 000 руб.

Вопрос состоит в следующем: когда произошла смена командиров полка? Граф Ростопчин писал, что это произошло во время марша из Дмитрова в Можайск. Современный исследователь, историк полков

русской армии А. А. Вершинин утверждает, что князь Одоевский прибыл вместе с полком на Бородинскую позицию 21 августа 1812 г.¹⁰ Но по рапортам того времени выясняется, что 30 августа М. И. Кутузов предписал Одоевскому сдать полк князю Касаткину-Ростовскому. В свою очередь, Одоевский отдал соответствующий приказ по полку¹¹. И только 7 сентября новый командир князь Касаткин-Ростовский рапортовал командующему Московским ополчением И. И. Моркову, что полка к этому числу уже не существует. Еще 29 августа Кутузов приказал распределить ополчение по пехотным корпусам, и, в частности, 2-й полк должен был поступить в 4-й пехотный корпус¹².

Собственно говоря, полк поступил в состав 4-го пехотного корпуса еще накануне Бородинской битвы. Приказ 29 августа лишь закрепил фактическое распределение полка.

До наших дней дошел чрезвычайно ценный архивный источник: «Список воинов бывшего 2-го казачьего пехотного полка», подписанный Касаткиным-Ростовским. В нем говорится, что в Дмитрове было принято 1 273 воина. В городе Волоколамске – еще 900 воинов. После Бородинского сражения в Кексгольмский пехотный полк поступило 294 человек, в Рыльский – 271, в Перновский – 300, в Капорский – 260, в Елецкий – 297, в Полоцкий – 294, в Екатеринбургский – 305. «При провианте» в городах Дмитрове и Рузе остались: в командировке 77; в лазаретах 19; отстали во время похода 55. Умерло – 1. По итогу получается 2 173 воина¹³.

Приведенные цифры численности полка соответствуют тем данным, что указаны в документах 1-го комитета Московского ополчения, который занимался сбором ополчения. На 20 августа в Журнале комитета было указано, что принято воинов 1 273. На них имелось провианта: муки 4 892 пудов 7,5 фунтов, круп 82 четверти 7 четвериков 6 гарнцев. Оружия: ружей со штыками 14, пик 800. Одежды было сшито на 102 человека. В недоборе оставались 132 воина, да обязавшихся поставить в Москве – 201 человек, в Богородске – 5, в Серпухове – 7, в Верее – 1; провианта не доставало: муки 2 139 пудов 30 фунтов, круп 36 четвертей 3 четверика, оружия не было на 459 воинов, «амуниции на 1 111 чел.»¹⁴. В примечании к этому документу составители сборника сообщают, что 22 августа уездный предводитель дворянства, надворный советник князь Иван Николаевич Трубецкой донес, что 19 августа было принято 12 недомочных воинов.

Таким образом, полк завершил свой боевой путь, а ополченцы поступили в армейские части. Большинство из них возвращались впоследствии домой в Дмитровский уезд уже вместе с войсками из Франции в 1814 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Рос архив. М.: Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. Т. VII. С. 494–495.

² ОР РНБ. Ф. 328 (Калайдович К. Ф). Д. 7. Л. 1

³ Там же. Л. 12

⁴ Там же. Л. 23об.

⁵ Там же. Л. Л. 25.

⁶ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 64.

⁷ *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг). М.: ГИБ, 2006. С. 446.

⁸ Там же. С. 462.

⁹ *Орлов А. А.* Кавказская авантюра Р. М. Медокса в 1812 году как проявление феномена самозванчества в России // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов / Труды ГИМ. Вып. 132. М., 2002.

¹⁰ *Вершинин А. А.* Отечественная война 1812 года: Биогр. словарь. М.: Росвоен-центр; Кучково поле, 2011. С. 214

¹¹ ОР РНБ. Ф. 328 (Калайдович К. Ф). Д. 8. Л. 21.

¹² Бородино: Документ. хроника. М.: РОСПЭН, 2004. С. 131.

¹³ ОР РНБ. Ф. 328 (Калайдович К. Ф). Д. 8. Л. 21–22.

¹⁴ Народное ополчение. С. 67.